

SAPIR E. Language: an introduction to the study of speech. New York: Dover Publications, 2004. 208 s.

SAUSSURE F. Kurs obecné lingvistiky. Vyd. 2., v nakl. Academia vyd. 1. Editor Albert Riedlinger, Albert Sechehaye, Charles Bally. Překlad František Čermák. Praha: Academia, 1996. 468 s.

SCHWARZ-FRIESEL M. Úvod do kognitivní lingvistiky. Překlad Filip Smolík. Praha: Dauphin, 2009. 203 s.

STERNBERG R. Kognitivní psychologie. 1. vyd. Překlad František Koukolík. Praha: Portál, 2002. 632 s.

VAŇKOVÁ I. Co na srdci, to na jazyku: kapitoly z kognitivní lingvistiky. Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2005. 343 s.

VAŇKOVÁ, I.: Nádoba plná řeči: (člověk, řeč a přirozený svět). Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2007, 312 s. ISBN 978-802-4611-228

VAŇKOVÁ, I. Obraz světa v jazyce: sborník z příspěvků, které zazněly v jazykovědné sekci XXVII. ročníku česko-polské meziuniverzitní konference Univerzita Karlova - Uniwersytet Warszawski ve dnech 2.-4. května 2000 v prostorách FF UK Praha. Editor Irena Vaňková. Praha: Univerzita Karlova, 2001, 161 s. ISBN 80-730-8005-2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В АСПЕКТЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ

Воронкова Ольга Александровна

(Старый Оскол, Россия)

Фраземы как знаки косвенно-производной номинации в современной культуре выступают своеобразными семиотическими кодами, через которые во временном пространстве проявляется связь истории с человеком, духа – с сознанием.

Фраземы, являющиеся репрезентаторами моделей мира, несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов.

Они способны кодировать объекты отражения благодаря лингвокреативному мышлению, предполагающему категоризацию предметов

мысли, а также фиксацию наиболее значимого национально-культурного опыта как аккумулируемого результата ценностной деятельности народа в её структуре. Все это находит отражение во фразеологическом значении как особой семантической категории, которая обладает отличительными свойствами, обусловленными характером его формирования и развития под непосредственным влиянием внутренней формы (далее – ВФ).

Этнокультурная специфика знаков косвенно-производной номинации, на наш взгляд, во многом обуславливается их ВФ. Например, фраземы *как у Христа за пазухой* – в русском, *Як у Бога в пазусі (жити)* – в украинском, *jakuPanaBogazapazucha (zaplecamі)* – в польском, *Raippasdievauž pe'ciaus* (букв. «как у бога за печкой») – в литовском, *kā dieva (peles, lāca) ausī* (букв. «как у бога (мышь, медведя) в ухе») – в латышском языках могут употребляться в значении ‘в полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и.т.п.)’. Как видно, несмотря на общность в значении, фраземы различаются компонентным составом. Например, для сознания носителей русского, украинского и польского языков актуальна ситуация, в которой человеку так спокойно, что это чувство сравнимо с тем, как если бы он сидел за пазухой самого Бога. В польском языке, по сравнению с русским, появляется вариант анализируемой фраземы с компонентом *плечи* – *jakuPanaBogazaplecamі*. В денотативной ситуации, ставшей прототипом данной единицы, акцент перемещается на такую часть тела как плечи. В литовском языке употребляется фразема с компонентом *печка* – *pasdievauž pe'ciaus*, а в латышском отличия касаются почти всей фраземы: компонент *бог* может быть заменён компонентами *мышь*, *медведь*, а компоненты *пазуха*, *плечи* замещаются компонентом *ухо*. Все перечисленные фраземы могут функционировать в значении ‘в полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и.т.п.)’, но в приведённых языках для сознания их носителей были актуальны разные признаки, разные ВФ, которые «бросились в глаза», которые выполняли определённую функцию для человека и тем самым послужили стимулом

фраземосемиозиса. Всё это, по нашему мнению, в определенной степени свидетельствует об этнокультурной специфике ВФ фразем.

Многие исследователи рассматривают проблему этнокультурных смыслов, обнаруживаемых в семантике фразем, однако интересно проследить, какие же структуры участвуют в формировании фразеологического значения, почему именно те или иные признаки денотативной ситуации становятся значимыми для сознания носителей языка. Собственно, как наше сознание отсеивает, отбирает признаки, характеризующие предмет непрямой номинации.

По утверждению А.М. Мелерович, своеобразие фразеологического значения тесным образом связано с характером его ВФ (Мелерович А.М. 1979: 18). В связи с этим важно выяснить, как ВФ взаимодействует с фразеологическим значением, почему стимулом к его зарождению становятся только определенные признаки.

ВФ фраземного знака – это средство косвенно-производного взаимодействия его означающего и означаемого, средство перевода содержания формы в форму содержания (Алефиренко Н.Ф. 2008: 51).

Многие фразеологи (Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, Л.Е. Кругликова, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, В.Н. Телия, А.М. Эмирова и др.) признают наличие в семантической структуре фраземы тех же компонентов, как и в семантической структуре слова: денотативного, сигнификативного и коннотативного (некоторые учёные выделяют также грамматический и структурный аспекты).

Самое общее понимание ВФ фраземы как признака наводит на мысль о семном статусе данной категории. Если сема – это репрезентированный в языковой семантике признак наименованного предмета, явления или ситуации, то ВФ вполне можно рассматривать как сему.

Например, сема «внимательный, пристальный» в семантической структуре фраземы *не сводить (не спускать) глаз кого, с чего*, сема «искренность, открытость» в семантике фраземы *от (всей) души*, сема

«стойкость» во фраземе *выдерживать характер*, «рассеянность» – *раззявить рот* и т.д.

К какому же компоненту фразеологического значения относится данная категория?

В современной лингвистике существуют разные мнения относительно этого вопроса. Некоторые авторы вообще выносят ВФ за пределы семантической структуры фраземы, в область психических категорий. Другие учёные, признавая ВФ семантическим элементом, «видят» её за пределами фразеологического значения.

Фразеологическое значение – это содержание мысли, а ВФ – это его символ, формализованный семантический элемент. Это, по нашему мнению, даёт основание не выносить ВФ за пределы фразеологического значения. По словам Н.Ф. Алефиренко, ВФ выступает в роли посредника между значением знака вторичной номинации и значением его производящего, отсюда следует, что «содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили её генетическим источником» (Алефиренко Н.Ф. 2006: 206).

Мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, придерживаемся позиции, согласно которой ВФ нельзя рассматривать вне фразеологического значения, так как первая является стимулом, импульсом к возникновению и развитию последнего. Об этом пишут В.Н. Телия, А.В. Кунин (Телия В.Н. 1996, Кунин А.В. 1996).

Ряд ученых относит ВФ к коннотативному аспекту, обосновывая это тем, что ведущей функцией фраземы является экспрессивная. Так, в своё время В.В. Виноградов отмечал, что во ВФ языкового знака выражается не только толкование действительности, но и её оценка, тем самым учёный отводил место анализируемой категории в коннотативном компоненте значения (Виноградов В.В. 1986: 25). А.М. Мелерович дифференцирует в семантической структуре фраземы «культурные компоненты, которые принадлежат

денотативно-сигнификативному содержанию, его ядру, и культурные компоненты образной основы, внутренней формы, создающие коннотативный ореол фразеологической единицы» (Мелерович А.М. 1998: 62). Трудно не согласиться с тем, что ВФ участвует в формировании эмоционально-экспрессивной, оценочной стороны значения фраземы, например: *дубина стоеросовая* (прост., презр.), *дурак набитый* (грубо-прост., бран.), *медный лоб* (презр.), *пустая голова* (прост., презр.), *олух царя небесного* (разг., презр.) и т.д., но нельзя забывать о том, что существуют фраземы (хотя их достаточно мало), не имеющие эмоционально-экспрессивной, функционально-стилистической окрашенности: *сдержатъ слово, брать (взять) слово с кого-нибудь, раздвигать рамки, поднять уровень* и др. Отсутствие коннотации ещё не говорит о том, что в этих фраземах нет ВФ, т.е. ВФ не всегда привязана к коннотативному компоненту фразеологического значения.

Согласно другой позиции (Ефанова Л.Г. 2007: 82) ВФ фразеологической единицы представляет собой первоначальное денотативное значение фразеологизма, вытекающее из суммы реальных значений слов-компонентов. Действительно, ВФ развивается в результате наложения свободносинтаксического прототипа, обозначающего предметную ситуацию в прямом значении, на переосмысленную ситуацию в её новом, образном представлении предмета фразеологической номинации. В результате подобного наложения возникает совмещённое видение двух картин, то есть образ, центром которого и является ВФ. Однако это ещё не означает, что ВФ может быть безоговорочно отнесена к денотативному компоненту фразеологического значения, поскольку она имеет определённое отношение и к коннотации, хотя ВФ очень близка к денотату, так как представляет собой признак, отражающий конкретный фрагмент номинируемой действительности. Например, основой фраземы *в кулак* в значении 'воедино, в одно целое' (Войнова Л.А., Жуков В.П. и др. 1994: 313) послужила денотативная ситуация, когда некто собирает, зажимает что-либо в кулак, который представляет собой кисть руки с

напряжённо сжатыми пальцами. ВФ данной единицы представлена признаком «сжато воедино, в кулак». Но это не говорит о полной отнесённости ВФ фраземы к денотату.

Что же касается сигнификата фразеологического значения, то, по нашему мнению, ВФ менее тесно связана с этим компонентом, поскольку сигнификат – это информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются в сознании говорящего (Кобозева И.М. 2004: 59), а если говорить о фразеологическом сигнификате, то он представляет собой отражённую в сознании совокупность признаков соответствующей денотативной ситуации. Это значит, что сигнификат составляют признаки, отвлечённые от первичной денотативной ситуации, уже отражённые в сознании носителей языка. Приведённая выше в качестве примера фразема *в кулак* образовалась на базе денотативной ситуации, когда некто собирает, зажимает что-либо в кулак, представляющий собой кисть руки со сжатыми пальцами. С учётом этого можно определить сигнификативный компонент значения этой единицы, представленный отражёнными в нашем сознании признаками, характеризующими номинируемую денотативную ситуацию: «сжатый, напряжённый, единый, цельный, сконцентрированный в одном месте». Сравним с сигнификатом ВФ, которую мы определили как «сжато воедино, в кулак». Такое сравнение не позволяет говорить о непосредственной близости ВФ к сигнификативному компоненту фразеологического значения, поскольку ВФ фраземы – это признак, отражающий конкретную денотативную ситуацию, а сигнификат составляют признаки, уже отвлечённые от денотата.

Анализ различных позиций, касающихся места ВФ в структуре фразеологического значения, показывает, что ВФ имеет определённое отношение и к коннотативному, и к денотативному компоненту, во многом обуславливая развитие фразеологического значения. Да и важно, собственно, не это, а то, что ВФ находится в структуре фразеологического значения, оказывая влияние на его развитие, выделяя те признаки номинируемой

денотативной ситуации, которые значимы для носителей языка и зачастую отражают этнокультурную специфику.

ВФ мотивирует значение фраземы через обозначаемую предметную ситуацию. Специфика фразеологического значения, косвенно формирующегося при участии того коллективного опыта народа, который закодирован в определённых генетических прототипах фразем, определяется особенностями образования знаков не прямой, косвенной номинации: фразеологическое значение формируется не непосредственно, а опосредованно.

По нашему мнению, подобным опосредованием между фразеологическим значением и значением той основы, на которой развилась фразема, как раз и является её ВФ. Таким образом, ВФ фразеологического значения «составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики фраземообразующей базы, которые послужили её генетическим источником» (Алефиренко Н.Ф. 2006: 206).

По словам А.А. Потебни, ВФ – это «та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» (Потебня А.А. 1999: 90 – 91).

Внутренняя форма – это и форма абстрактного мышления, и способ модификации мыслимого предметного содержания, или смысла социально-культурной природы. Именно благодаря ВФ когнитивно-семантическая структура фразем кодирует всё, что человек способен испытывать, переживать, включая все его знания об объективном мире вокруг и вне нас, так же все наши мысли, желания. Именно в знаках косвенно-производной номинации отражаются не только особенности жизни, определяемые природными условиями или культуры, но и своеобразие менталитета, национального характера народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу. – Ярославль: ЯГПУ, 1979. – 79 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеологизации // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно-практическая конф., посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20 – 22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. С. 23 – 28.
3. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак-ов иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. – 381 с.
6. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. / Отв. Ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
7. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в контексте языковой картины мира // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы междунар. конф. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. С. 61 – 64.
8. Ефанова, Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и художественном тексте. Часть 2. Трансформации, изменяющие внутреннюю форму фразеологизмов // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской науч. конф. с международным участием (26 – 27 октября 2007 г.) / Под. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. С. 80 – 85.
9. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова – Изд. 5-е стереотип. – СПб.: Вариант, 1994. – 544 с.
10. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
11. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 270 с.